

Ф. А. АСАДУЛЛИН,

заведующий отделом науки Совета муфтиев России, шейх

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ В РАКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ (Извлечение опыта)

Сегодня уже достаточно было сказано добрых слов в адрес ислама как мировой религии и арабо-мусульманской цивилизации в целом. Я в целом разделяю те подходы, которые были высказаны здесь как зарубеж-

ными участниками этого пленарного заседания, так и нашими соотечественниками, видными учеными, экспертами-арабистами. Поддерживая в целом тональность, которая была задана выступлением Михаила Борисовича

Пиотровского, я хотел бы конкретизировать и развить некоторые моменты обсуждаемой сегодня проблемы.

Действительно, и ход этой конференции сегодня это подтверждает, интерес к исламу в мире и, в частности, в российском обществе приобретает все более и более осмысленный характер. Думающая часть нашего общества стремится получить собственное представление о религии, о которой так много и по разным поводам сегодня говорят и спорят в средствах массовой информации. Я поддерживаю пафос выступления предыдущего оратора, г-на Генри Резника: действительно, нужна государственная программа аккультурации представителей разных религий, разных национальностей. Сегодня на территории России живет порядка 170 различных народов и этносов. Общение между ними должно строиться как с пониманием исторической специфики страны, так и с осознанием современных тенденций общественного развития России и ее ближайших соседей. Патриотизм титульной нации и остальных российских народов должен быть слагаемым гордости за свою страну, он должен объединять, а не разобщать людей. Сегодняшняя конференция — это путь в направлении понимания того, что в этом процессе ведущая роль принадлежит интеллигенции — научной и творческой. В связи с этим я хочу сказать, что у нас существует замечательная школа отечественной арабистики и исламоведения, которая была заложена выдающимися учеными-арабистами Крачковским, Бартольдом, Халидовым. Сегодня эти традиции продолжают академик А. Б. Куделин, выступавший здесь член-корреспондент Российской Академии наук М. Б. Пиотровский, профессора А. А. Долиннина, В. Н. Кирпиченко, Д. В. Фролов, С. М. Прозоров и В. В. Наумкин. У нас в стране благодаря трудам этих ученых заложен огромный потенциал толерантного отношения к исламу и особенностям арабо-мусульманской цивилизации. Задача представителей как различных конфессиональных сообществ, так и российской интеллигенции в целом — развивать этот потенциал, сделать его достоянием молодого поколения россиян.

В этой аудитории хотелось бы указать на уникальность российской цивилизации, в формировании которой после христиано-славянской составляющей значительная роль принадлежала и традиции исламо-тюркской — традиции и религиозной, и культурной одновременно. Вплоть до того момента, когда Петр I на рубеже XVII и XVIII веков «прорубил окно

в Европу» и тем самым, в том числе и через основание северной столицы, укрепил связи России с западной цивилизацией, Московская Русь многими на Западе из-за сильных позиций татаро-ордынской элиты — мурз и беев — воспринималась как «Татарская Московия». России и раньше (и тем более сейчас) не было необходимости прорубать «окно на Восток», она фактически была и остается органической частью глобальной цивилизации Востока в целом и арабо-мусульманской цивилизации в частности. Хорошо известно, что вхождение России в европейскую систему международных отношений началось сравнительно поздно, только в XVII в. До того она столетия зримыми и незримыми узами была связана с Востоком: Османской империей, Персией, Крымом, не говоря уже о ее ближайших соседях — ордынских государствах. Сегодня, когда в обществе вновь возрождается интерес к осмыслению исторической специфики России, в том числе и через призму ее духовно-исторической традиции, хочется вновь подчеркнуть, что эта цивилизационно-историческая специфика связана в том числе и с особым контекстом исламо-христианского сосуществования — «исламо-христианского консенсуса», как это представлялось замечательному мусульманскому просветителю крымско-татарского происхождения Исмаилу Гаспринскому (1851–1914). Осмысливая современную историческую ситуацию, важно не упускать из виду этот известный факт в целом бесконфликтного сосуществования названных культурно-исторических типов, которые и синтезировались в российской истории, и так причудливо преломились в конкретных человеческих судьбах.

Примеров того, о чем я говорю, достаточно. Многие из них могут служить иллюстрацией известной поговорки: «Поскреби русского — обнаружишь татарина». Одним из основателей Москвы наравне с Юрием Долгоруким является получивший крещение выходец из Волжской Булгарии (территория нынешнего Татарстана), обрусевший татарин Степан Кучка. Об этом можно узнать из «Повести о начале Москвы» — произведении, неопределенно датированном концом XVI — началом XVII века. Недавно стали известны исторические сведения о том, что одним из освободителей Москвы от польского нашествия 1612 года был крещеный нижегородский татарин Козьма Минин, сын солепромышленника Мины Анкудинова. Возможно, мало кто знает, что автором популярной русской песни «Во поле бе-

резонька стояла» является профессор Казанского университета татарин Нигмат (Николай) Ибрагимов (1778–1818). Такое спонтанное сочетание и взаимодействие дискурсов, имеющих основанием тюркско-исламский мир и мир славяно-христианский, собственно и сформировало ткань российской культуры. Восточное и западное начала, соединившись в российской культуре, составляют органичный дуэт. Главный культурный символ России — А. С. Пушкин, «наше все», согласно современным этнологическим концепциям является афророссиянином, но в его родословной, кроме африканских, просматриваются и татарские (Мусины + Шарафетдиновы) корни, не говоря уже о русских.

Наследие нашего прославленного соотечественника и современника, крупнейшего ученого-гуманитария XX века Дмитрия Сергеевича Лихачева, именем которого названы эти Чтения, дает богатый материал в плане понимания природы российской культуры, истории и — шире — цивилизации. Противопоставляя свойственное всем народам России высокое чувство патриотизма национализму и тем более шовинизму, он с горечью констатировал, что «народы слишком мало знают друг о друге, не знают культуры своих соседей, имеют самые посредственные знания по истории. При этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций»¹. Сказанное можно отнести и к современной повестке межнациональных и — шире — межконфессиональных отношений в России. Анализируя прошлое России, которое Д. С. Лихачеву виделось главным образом в рамках европейского ареала, он ставил разные акценты относительно сущностных сторон российской действительности. Отмечая в одной из своих статей, что «русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур», он иллюстрирует эту мысль примером главной достопримечательности Санкт-Петербурга — Невским проспектом. В XIX веке на Невском проспекте — проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, — были и голландская церковь, и лютеранская, и католическая, и армянская, а также две православные — Казанский собор и Знаменская церковь. К этому следует добавить, что задолго до открытия в Санкт-Петербурге Соборной мечети (1913) местные мусульмане, в основном татары, выполняя предписания ислама, в XVIII–XIX веках проводили свои праздничные богослужения в арендованных

помещениях на углу Невского и Мойки или Невского и Фонтанки. Это обстоятельство, безусловно, расширяет религиозные границы понимания феномена веротерпимости как в отношении проспекта, так и города в целом. Таким образом, диалог разных религий и культур, не исключая и ислам, шел в северной столице с момента закладки Петропавловской крепости, к чему татары также имели прямое отношение. Если мы назовем татар градообразующим этносом Санкт-Петербурга, то в этом не будет большого преувеличения, поскольку, например, французский аристократ и путешественник маркиз де Кюстин (1790–1857), посетивший столицу Российской империи в 1830-х годах, называл его в своем дневнике «греческим городом, импровизированным для татар». Об азиатской сущности столичного общества писал в «Физиологии Петербурга» (1845) и В. Г. Белинский. Все это заставляет еще раз вспомнить известные чеховские слова, сказанные не то в шутку, не то всерьез: «развитие у нас азиатское, а самомнение европейское».

В заключение мне хотелось бы сказать о том, что в плане осмысления перспектив исламо-христианского диалога в современной России важно обратить внимание на вызовы, которые сегодня угрожают многонациональному российскому обществу. Я имею в виду не только ситуации, подобные событиям в Кондопоге, когда дело кончается массовым мордобоем с участием местных и пришлых. Сегодня, к сожалению, под флагом борьбы с международным терроризмом наблюдаются попытки разделения мирового сообщества на мир ислама и мир христианства. Эти внешние импульсы иногда, к большому сожалению, накладываются на реалии нашего бытия, нашей российской действительности, нанося ощутимый вред межнациональным и межрелигиозным отношениям. Наша страна исторически в основном формировалась как союз славянских и тюркских народов, христианской и мусульманской культур. Важно не допустить разрушительной конфронтации между ними, к чему нас иногда подталкивают и некоторые обстоятельства новейшей истории страны, и определенные внешние силы.

Я считаю, что в условиях глобализации значение межрелигиозного диалога будет возрастать. Этот диалог должен поддерживаться и вестись не только главами крупнейших религиозных сообществ России и усилиями религиозно ориентированной интеллигенции, но и с участием светских ученых, студенчества и молодежи, представляющих национальные диаспоры.

¹ Лихачев Д. С. Избранное. М., 2006. С. 140.